

ДЛЯ ДЕТЕЙ

EMIL GENO

1890

С Е Н Т Я Б Р Ъ № 9

Г О Д Ъ В Т О Р О Й .

С О Д Е Р Ж А Н І Е .

	СТР.
I. Лиза. Григорія Грушевскаго.	131
II. Коля-докторъ. М. Львовой. Съ рисункомъ. . .	133
III. Лѣсной жаворонокъ. Маріи Сегаловой. . .	137
IV. Нищій. (Картинка).	142
V. Дюкъ. (Пересказъ съ англійскаго). В. Черке- совой.	143
VI. Шутки, прибаутки и скороговорки.	146

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Адресъ редакціи: Сергіевская, д. № 26.

Л И З А.

(Посвящ. М. и Ю. Забавскимъ).

Лиза была хорошая хозяйка. Каждое утро вставала она рано и, взявъ зеренъ, шла на дворъ кормить куръ и утокъ. Мама никогда не отказывала Лизѣ въ этомъ удовольствіи, а папа даже хвалилъ Лизу за такую заботливость. На дворѣ по утрамъ ждали Лизу и куры, и утки и, съ ея появленіемъ, на перерывѣ бѣжали къ ней навстрѣчу. Голуби также слетались къ Лизѣ, а иные садились даже къ ней на плечи, и Лиза кормила такихъ голубковъ изъ своихъ рукъ.

Какъ-то папа съ мамой стояли на крыльцѣ и смотрѣли, какъ Лиза кормила птицъ. Въ это время одна изъ молодыхъ утокъ стала гоняться за голубемъ и не давала ему поѣсть. Лиза хотѣла наказать за это утку: поймать ее, не давать ей ѣсть; но утка убѣжала отъ Лизы, потомъ опять явилась и стала клевать какъ ни въ чемъ не бывало. Голубь довѣрчиво подошелъ къ уткѣ,

но она опять на него бросилась и поймала его за крыло. Напрасно старался голубокъ вырваться: утка крѣпко держала его.

Въ это время одна изъ куриць, желая освободить голубя, подбѣжала къ уткѣ и такъ сильно щипнула ее, что тутъ же вылетѣло въ воздухъ нѣсколько утиныхъ перьевъ.

— Ахъ, какая ты злая!—крикнула Лиза на курицу; но курица въ это время уже отошла въ сторону и спокойно себѣ подбирала зерна.

— Папа! зачѣмъ она обидѣла такъ уточку?—спросила Лиза у отца со слезами.

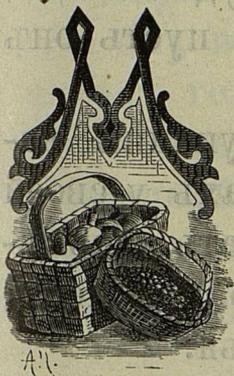
— А какъ тебѣ, Лиза, кажется?—сказалъ папа.—Вотъ ты подумай хорошенько да и скажи мнѣ: за чтó могла курица такъ обидѣть твою уточку?

Долго думала Лиза. Наконецъ, вечеромъ, за чаемъ, она сказала:

— Я знаю, папа, за чтó курица напала на уточку: она заступилась за голубя, котораго уточка обижала; но и курица обидѣла уточку, а это не хорошо, несправедливо. Такъ, вѣдь, папа?

— Такъ, моя умница! Ты у меня милая, ты никогда никого не обидишь!

Григорій Грушевскій.

КОЛЯ-ДОКТОРЪ.

ама ушла за покупками. Петя занимается въ своей комнатѣ, а Лида съ Колей играютъ въ спальнѣ, тутъ же работаетъ и Дарья.

— Дарья, мы чаю хотимъ,—говорить Коля,—мама сказала, что не вернется къ чаю.

— Не такъ просишь!—перебила брата Лида.—Дарья, милая, дайте намъ пожалуйста чаю,—обратилась она къ нянѣ.

— Сейчасъ, моя радость,—вы тутъ играйте тихо, а я пойду ставить самоваръ.

Дверь приотворяется, и Петя громко кричитъ:

— Маленькіе! Василій Ивановичъ пришелъ.

Тутъ же осторожно вошелъ и самъ котъ Василька или Василій Ивановичъ, какъ его зовутъ дѣти. Это былъ большой сѣрый котъ. Онъ подошелъ къ дѣтямъ, ласково поглядывая то на того, то на другого, и помахивая хвостомъ.

— Какъ бы намъ поиграть съ Василькой?—говорить Лида.—Вотъ что, давай одѣнемъ его въ куклино платье и пусть онъ будетъ моимъ ребенкомъ.

Василька былъ одѣтъ въ куклинъ капотъ и, послѣ прогулки на рукахъ у своей мамы-Лиды, былъ положенъ спать. Терпѣливый котъ все переносилъ, но, наконецъ, дѣти вывели и его изъ терпѣнья.

— Мой ребенокъ боленъ,—объявила Лида,—надо послать за докторомъ.

— Я докторъ!—заявилъ Коля.—Что съ вашимъ ребенкомъ?—спросилъ онъ важно.

— Докторъ, мой ребенокъ простудился, у него жаръ.

Коля-докторъ взялъ лапу больного, приложилъ руку къ его головѣ.

— Да, жаръ,—сказалъ онъ,—я дамъ ему ложку лекарства.

Коля досталъ ложку въ маминомъ шкафу, взялъ лекарство, которое стояло на окнѣ и, наморщивъ лобъ, серьезно объявилъ:

— Возьмите ребенка на руки, лекарство горькое, и онъ не захочетъ выпить всю ложку.

Лида взяла кота на руки, положила его вверхъ лапами, что было очень неудобно

измученному коту; Коля налил полную столовую ложку лекарства и хотѣлъ влить уже ему въ ротъ. Василій Ивановичъ замоталъ головой, рванулся, причесть сильно оцарапалъ руки Лидѣ, и убѣжалъ, путаясь въ капотѣ.

Лида плакала, а Коля кричалъ, что Василька глупый, непослушный котъ.

Потомъ, когда вернулась мама, и когда

она узнала, какъ Коля явился докторомъ кота, она сказала: — А Васька-то оказался умнѣ васъ, онъ не захотѣлъ принимать лекарство, когда онъ здоровъ, да и лекарство это совсѣмъ не для него. Хорошо еще, что это полосканіе для горла, но бываютъ лекарства, съ которыми надо обращаться очень осторожно... Шалуны вы, вотъ что, и купила было я вамъ кое-чего сладкаго, а теперь не дамъ, а Василя Ивановича кое-чѣмъ вкуснымъ угощу—онъ умный котъ, потерпѣлъ отъ васъ и не выцарапалъ вамъ глазъ, а будь онъ злымъ и глупымъ, исцарапалъ бы и щеки, и лица... Охъ, шалуны, шалуны, и кого любите и кто васъ любитъ, и того мучаете... Эхъ-хе-хе!..

М. Львова.

ЛѢСНОЙ ЖАВОРОНОКЪ.

Лыла ночь. Кругомъ тянулась широкая, глухая степь: ни рѣчки, ни дерева, ни кустика... небо чисто, свѣтло, на немъ мерцаетъ множество звѣздъ.

Тишина: все заснуло, замерло. Но вотъ вдали показалась человѣческая фигура; человѣкъ медленно шель, иногда останавливался, какъ бы искалъ чего. Это шель старикъ Касьянъ,—высокій, сторбленный,

съ большой, сѣдой бородой; въ рукахъ у него палка; на плечахъ котомка. Касьянъ остановился, осмотрѣлся кругомъ; онъ искалъ мѣста, гдѣ бы поудобнѣе отдохнуть. Старикъ прошелъ много верстъ и много ему еще придется пройти. Увидѣлъ Касьянъ камень, обрадовался и сѣлъ. Старикъ задумался; ему было грустно, тяжело. Самую любимую внучку свою, — ласковую

щебетунью-Дуняшу онъ отвелъ въ городъ, отдалъ къ чужимъ людямъ въ услуженье и шель теперь домой, въ деревню. «Сыта будетъ на мѣстѣ-то,—утѣшалъ себя старикъ,—Богъ дастъ, заработаетъ немного и опять къ намъ пріѣдетъ». «Но теперь она одна одинешенька, безъ родныхъ, безъ милыхъ сердцу; всего ей только девять лѣтъ минуло»,—думалъ Касьянъ, и сжалось его сердце, защемила тоска и залился онъ горькими слезами. Между тѣмъ, усталость одолѣла его; Касьянъ легъ на большой камень, свернулся комкомъ,—и заснулъ. Вдругъ, его разбудили какіе-то звуки. Старикъ оглядѣлся кругомъ, никого нѣтъ, тишина, ночь. Старикъ стало жутко: «Что это? — шепталъ онъ,—птица поетъ? Но не видать лѣса совсѣмъ...» Звуки полились снова и теперь сладкая, чудная пѣсня росла и росла сильнѣе въ ночномъ воздухѣ,—то была звонкая пѣсня лѣсного жаворонка *).

---

*) Сѣрыя перья съ красноватымъ налетомъ сверху, бѣловатыя съ черными пятнами до самой груди—снизу, бѣлые или желтоватыя кончики крыльевъ, свѣтлая полоска у клюва, надъ глазами, подъ хохолкомъ вокругъ всей головы, нѣжный клювъ, маленькія крылья и чуть замѣтный хохолокъ,—вотъ лѣсной жаворонокъ, справедливо называемый лѣснымъ, или вѣрнѣе пустыннымъ соловьемъ. Онъ живетъ въ ущельяхъ,

Старикъ-Касьянъ не видалъ никогда лѣснаго жаворонка, но онъ много слышалъ про эту птицу. Онъ зналъ, что она живетъ въ

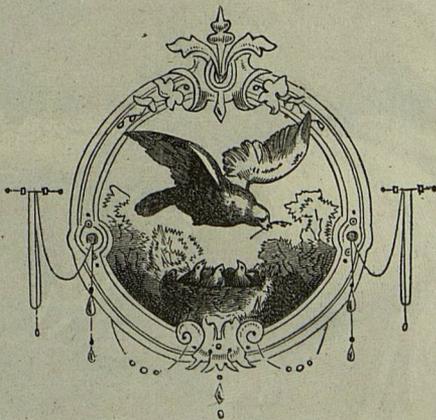
покрытыхъ рѣдкой травой, въ обрывахъ, вообще тамъ, гдѣ нѣтъ или мало другихъ птицъ,—онъ жаворонокъ-пустынный. Красивое гнѣздышко этой миловидной птички находятъ въ концѣ марта подъ какимъ-нибудь тощимъ кустомъ или въ травѣ,—это углубленіе въ землѣ немного больше полушара, тщательно и гладко выложенное внутри нѣжными, сухими стебельками и листочками разныхъ травъ; въ немъ можно найти четыре-пять бѣловатыхъ яичекъ, густо усѣянныхъ сѣро или свѣтло-коричневыми пятнышками и точками. Самка-мать высидываетъ яйца; самецъ-отецъ въ это время кормитъ ее любимыми ея сѣменами и поетъ надъ нею въ голубомъ небѣ свою чудную, звучную пѣсенку. Если самецъ не паритъ въ воздухѣ, звонко распѣвая тамъ, если не улетаетъ онъ добывать сѣмена себѣ и подругѣ,—то онъ бѣгаетъ вокругъ своей подруги, поднимаетъ распушенный широко хвостъ кверху, настороживаетъ хохолокъ и премило кланяется, чтобы доказать ей свою преданность и нѣжность. Пустынная равнина, бѣдная растительность. Вдругъ поднимается милый лѣсной жаворонокъ, издавая нѣжный призывный крикъ «люлю»—выше-выше, паритъ цѣлые полчаса, теряется изъ глазъ подъ облаками, не прерывая пѣнія. Ночь надъ печальной пустыней, не шелохнетъ малая травка, а въ тихомъ воздухѣ изъ-за облаковъ сыплются, разливаются серебромъ звучныя трели,—это лѣсной жаворонокъ услаждаетъ свою подругу, сидящую гдѣ-нибудь въ травѣ въ мягкомъ, тепломъ гнѣздышкѣ, согрѣвающую своимъ маленькимъ тѣльцемъ, своими перышками, нѣжныя яички. Онъ поетъ радостно; она слушаетъ и счастлива. Ночной путникъ долго слушаетъ чудную пѣсню невидимаго пѣвца и бодрѣ идетъ по глухой, печальной степи.

(По Брэмю). Ред.

самыхъ пустынныхъ мѣстахъ, по которымъ рѣдко приходится проходить человѣку. Касьянъ зналъ, что эта сѣренькая птичка поетъ очень хорошо. Онъ понялъ, что въ этой пустынной мѣстности пѣлъ лѣсной жаворонокъ. «Господи, какъ велики чудеса твои! кругомъ пусто, глухо, никого не видно,—вдругъ, поетъ птица, поетъ такъ сладко, такъ мило и ночью»,—говорилъ про себя Касьянъ. А жаворонокъ пѣлъ и пѣлъ,—точно игралъ кто на флейтѣ,—тутъ были всевозможныя трели: птица, казалось, и жалѣла, и утѣшала кого-то. Касьянъ слушалъ и тоска-печаль о внучкѣ Дуняшѣ спадала съ его сердца; это пѣніе, сладостное, пріятное, ободрило старика, у него явилась надежда... «Свѣтъ не безъ добрыхъ людей, послужить Дуня у хорошихъ людей, полюбить они ее и не обидятъ... потомъ пріѣдетъ она къ намъ, веселая и радостная, какой всегда была дома, будетъ щебетать милой касаткой—«дѣда да дѣда»,—утѣшалъ себя старикъ. Онъ поднялся и пошелъ дальше. Жаворонокъ умолкъ, но только на время. Не успѣлъ Касьянъ отойти и полверсты, какъ громкія, звучныя трели снова зазвенѣли въ небесной синевѣ и снова разлились по глухой

степи. Касьянъ остановился на минуту, постоялъ, послушалъ еще пріятное пѣніе; но вспомнилъ, что пора домой, что дома работы много, и двинулся впередъ. Птица точно провожала его—трели ея лились чище, тверже, милѣе... «Никто даромъ не живетъ на свѣтѣ, все на радость и утѣшеніе человѣку»,—думалъ про себя Касьянъ. Онъ былъ уже недалеко отъ деревни, и все еще слышалъ точно райское пѣніе жаворонка. «Это она—птица со мной прощается»,—шепталъ утѣшенный старикъ, и свѣтлая улыбка скользила на его добромъ лицѣ.

Марія Сегалова.

Нищій.

Д Ю К Ъ.

етерь Дюкъ—умная, красивая собака. Маленькимъ щенкомъ хозяинъ отдалъ его на воспитаніе одному охотнику и самъ уѣхалъ изъ этой мѣстности надолго. Не сладко, должно быть, жилось Дюку у охотника, — годъ спустя, онъ вернулся къ намъ замореннымъ, забитымъ. При хорошей пищѣ и ласковомъ обращеніи Дюкъ скоро поправился и сталъ живымъ, веселымъ. Изъ нашихъ дѣтей онъ особенно полюбилъ старшаго мальчика — Неда, съ которымъ почти не разставался.

У воротъ нашего дома, у забора, вырытъ былъ глубокій колодезь. Воды въ немъ было мало, и мы ее совсѣмъ не брали, а потому тутъ не было ни бадьи, ни цѣпи. По недосмотру колодезь былъ открытъ.

Однажды, Недъ возвращался съ прогулки, Дюкъ въ это время былъ во дворѣ; онъ

услышалъ голосъ Неда за воротами, обрадовался, съ громкимъ лаемъ бросился къ нему навстрѣчу прямо черезъ заборъ и попалъ въ колодезь. Дюкъ уходилъ все ниже и ниже въ воду. Недъ увидѣлъ это и поднялъ тревогу. Мы всѣ прибѣжали къ колодезю и не знали, что намъ сдѣлать, чтобы спасти нашего Дюка. Стоимъ, смотримъ въ колодезь, а оттуда только сверкають два глаза, какъ два раскаленныхъ угля, да слышится жалобный визгъ отчаянно царапавшаго лапами каменные стѣны Дюка. Къ счастью, вскорѣ подошли къ намъ на помощь рабочіе съ ближайшей постройки; они живо устроили изъ дощечки и длинныхъ веревокъ родъ качелей и опустили въ колодезь. Прошла минута и намъ слышно стало, какъ Дюкъ началъ карабкаться на доску, издавая короткій, громкій лай, какъ бы извѣщая насъ, что онъ понимаетъ какъ поступить, чтобы выбраться изъ колодезя. Прошло пять-шесть минутъ, рабочіе осторожно потащили веревку, — они тутъ же почувствовали, что веревка идетъ тяжело, — наклонились и увидѣли, что яркогорящіе глаза Дюка мелькали выше и выше по мѣрѣ того, какъ они осторожно тянули веревку. Тутъ всѣ по-

няли, что Дюкъ забрался на доску и зубами крѣпко держится за веревку. Еще минута-двѣ,—потянули разъ-другой—и доска стала совсѣмъ видна. Ура! Дюкъ тутъ, тутъ!.. Онъ зубами вцѣпился въ веревку и повисъ, упираясь ногами въ дощечку. Какъ мы боялись за него!.. Удержится ли онъ, пока его вытянуть наверхъ?!. Ну какъ онъ сорвется, — ну какъ не выдержать и оборвется веревка!.. Къ счастью, Дюкъ снова появился на свѣтъ Божій цѣлъ и невредимъ,—онъ ласкался къ намъ и дрожалъ у нашихъ ногъ. Мы отнесли его скорѣе въ домъ, завернули въ теплое одѣяло и положили ближе къ горѣвшему камину,—иззябъ онъ сильно, такъ какъ это было ранней весной и день былъ холодный. Дюкъ согрѣлся, выбрался изъ одѣяла и сталъ подползать къ ногамъ нашимъ; онъ лизалъ намъ руки и горячо выражалъ намъ благодарность за спасеніе,—онъ, казалось, хорошо понималъ, что могъ погибнуть.

Пересказано съ англійскаго В. Черкесовой.

ШУТКИ И ПРИБАУТКИ.

Летитъ жукъ, да шумитъ: «У-у-бью»; гусь гогочетъ: «Ко-о-го?» Теленокъ мычитъ: «Ме-е-ня»; а уточка крикаетъ: «Такъ-такъ-такъ!..»

Семь безъ четырехъ, да три улетѣло,— много ли стало?..

Шель одинъ, нашель пять рублей; трое пойдуть, много ли найдуть?

СКОРОГОВОРКИ.

Шли сорокъ мышей, несли сорокъ грошей; двѣ мыши поплоче несли по два гроша.

Быкъ тупогубъ, тупогубенькій бычокъ, у быка бѣла губа тупа.

Отъ топота копытъ пыль по полю летитъ.

Редакторъ-издательница А. Н. ТЮФЯЕВА-ТОЛИВЪРОВА.

Дозв. Цензурою Спб. 19 авг., 1890 г. Типографія А. М. Вольфа, Б. Итальянск., 2.

